

ВІКТОР
СІС
ГОРА
ВІАА
ІІІ
КІІ

ЛЕНИЗДАТ
1969

ПОЭТ И ИСТОРИЯ

Каждый поэт создает собственное отношение к миру — сейчас существующему или уже отступившему в прошлое. Знание мира, знание истории мы можем получить из собственного опыта (если это наша современность) или из данных науки (если это мир прошлого), но поэтическое истолкование мира мы можем получить только от поэта, писателя, художника, музыканта. Именно они дают нам то эмоциональное отношение к миру, без которого он теряет для нас интерес, оказывается мертвой схемой, утрачивает свою живую плоть, как бы дематериализуется.

Поэт подсказывает нам непосредственное восприятие мира, эмоциональное к нему отношение, обостряет ощущение реальности факта, эпохи. И это поэтическое отношение к миру настоящего или прошлого может быть современно, актуально, прогрессивно или оно может быть традиционным, отсталым, косным — независимо от того, о каком мире идет речь в поэзии: о мире современном или прошлом, о действительности социалистической, капиталистической или феодальной. Современность поэзии — это не столько современность темы, сколько современность поэтической интерпретации темы. Содержание поэзии — это по преимуществу истолкование фактов, современный взгляд на них.

До сих пор в нашем поэтическом отношении к Киевской Руси (а именно о ней по преимуществу говорит книга Виктора Сосноры) господствовали штампы и трафареты, созданные в свое время А. К. Толстым. Эти штампы и трафареты не только идеализировали государственные «свободы» Киевской Руси с позиций дворянского либерализма, не только создавали простелькие и чистенькие

представления о древних русичах как о счастливых и беспечных «берендеях», живущих в обстановке социального мира, но и сочетались с различными мелкими красотами: вычурной речью древних русичей, их нарядно-оперной одеждой, степенностью и благоприличием быта.

В своем поэтическом представлении о Киевской Руси Виктор Соснора разрушает эти красоты, эти либерально-дворянские представления о социальном мире в Киевскую эпоху. Он стремится увидеть Русь в живой плоти — страдающей или по-простому радующейся, борющейся, материально-конкретной, часто грубой, чувственной, но неизменно жизнелюбивой.

Но сказать только, что восприятие Виктором Соснорой Киевской Руси лишено красотей А. К. Толстого, — это сказать слишком мало. Киевская Русь для Виктора Сосноры освещена ужасами Великой Отечественной войны. Он пережил в шестилетнем возрасте блокадную зиму Ленинграда 1941/42 г., он был вывезен из Ленинграда по Дороге жизни под пулеметным обстрелом с самолетов. Он очутился на Кубани и был со спасшей его бабкой захвачен немцами. В семилетнем возрасте он трижды побывал в гестапо, а затем жил в партизанском отряде, которым командовал его дядя. Этот отряд и его командир были расстреляны фашистами на глазах у мальчика. Он спасся только потому, что за четверть часа до расстрела сам был ранен в голову осколком мины. Он видел расстрел отряда сквозь застилавшую ему лицо кровь.

Вот почему он знает, что такое половцы, знает, что такое Батый. И град Китеж для него не сладкозвучный и сладкоцветный рай, а партизанский лес и кубанское село, захваченное фашистами, в котором чудом, — чудом, вызванным к жизни силой духа, — сохраняется настоящая жизнь, несмотря на предательство и подлость отдельных трусов.

Киевская Русь Виктора Сосноры знает опыт нашей великой войны.

Соснора поэтически домысливает летописные сказания, «Сло-

во о полку Игореве», «Сказание о граде Китеже», «Задонщину», былины, — как бы продолжает их. Напрасно было бы требовать от Сосноры исторической точности во всем: он поэт, а не историк-эпикограф. Невозможно искать у него и лингвистическую чистоту, точные представления о русском быте Киевской поры, о материальной культуре того времени и пр. Любители находить исторические неточности могли бы найти в стихах Виктора Сосноры некоторую поживу. Но поэт не археолог, не лингвист, не историк литературы, не фольклорист, и пишет он не для того, чтобы в стихах сообщать исторические сведения. И тем не менее дух истории витает в стихах Сосноры.

Важно отметить, что общие представления о Киевской Руси в стихах Сосноры поразительно совпадают с теми, которые дает нам в своей книге «Люди и нравы Древней Руси» советский историк Б. А. Романов. Это совпадение представлений поэта и историка не случайно. Оно обусловлено тем, что и тот и другой — наши современники: советский поэт и советский историк. Материалистическое мировоззрение и паха современность, с одной стороны, и тяжелый опыт войны, с другой, позволили одинаково истолковать Киевскую Русь, понять ее заботы, ее повседневную жизнь и историку, и поэту.

Б. А. Романов стремится увидеть в Киевской Руси живых людей с их повседневными интересами, — людей, страдающих от несправедливости, совершающих преступления против власти, расплачивающихся за это, добывающих и кусок хлеба, чтобы не умереть с голоду, и достаток, чтобы забрать власть над другими людьми, страдающих от войны и чужеземных захватчиков. Б. А. Романов увидел в Киевской Руси грубую жизнь. Книга его не сразу получила признание специалистов.

Стихи Виктора Сосноры, посвященные Древней Руси, тоже идут против наших привычных представлений. Их тоже не легко признать читателю.

И. Н. Асеев в своем письме ко мне 25 ноября 1961 г. писал о Сосноре: «...я рекомендую его Вам не как подражателя, а как

открывателя совмещения в стихе древнего с сегодняшним, вводящим в словарь темы древности смелые говорные термины и интонации, вроде слов «завихренья», «рѣба», «взъсеренился», «барахло», «халупы», от которых должны прийти в ужас пунктуальные слововеды, как от не свойственных древней лексике. А именно в том-то и прелесть этих стихов, что они звучат сразу и по-славянски и по-русски, по-современному и по-давнему. Я посылаю Вам на пробу одно из таких стихотворений, в котором не только есть и вкус и цвет «обой пол времен», но и любовь к языку, не формальная, а живая, речевая, современная, несмотря на то, что тема древнейшая».

Этим посланным «на пробу» стихотворением было «1111 год». Поход Владимира Мономаха 1111 года выступил в этом стихотворении не в своем парадном и официальном облике, а как тяжкий труд, как борьба с природой и косностью тоскующих по своим женам и «халупам» бояр.

Люди устали, люди измучены непосильным трудом, они хотят простых развлечений. До высокой поэзии они поднимаются и просто «продираются» через дебри тяжкого быта. Быт груб и требователен, но люди не «заедены бытом». Поэзия растет снизу, а не слетает к людям сверху. Она не украшение жизни, а ее преобразование, идущее из самых ее грубых и плодородных недр. Над всем господствует поэзия.

Поэзия в быту Киевской Руси — основная тема «Всадников».

Поэт пишет о поэзии. Поэт пишет о поэтическом преодолении грубого быта на самой заре русской истории. Поэт обращается к истокам русской поэзии, как к началу, вечно сопутствующему истории русского народа.

Поэтический метод Виктора Сосноры во многом как бы воспроизводит эту основную идею его стихов. Его стихи рождаются из преодоления обыденной речи, из находок в самых недрах русского языка. Идеи рождаются у самых корней слов. Соснора вызывает из недр русского языка ассонансы, однокоренные и

односложные слова, схожие звучания и дирижирует этим хором словесных созвучий так, что постепенно становятся ясными новые рожденные ими смыслы, новые поэтические ассоциации:

«...и Дон
до дна
ладонью
расчерпать!»

Соснора обыгрывает в этом своем поэтическом отклике на «Слово о полку Игореве» ассоциации, связанные с дном. Поэтические образы «Слова» ставятся как бы свойствами самого русского языка, ощущаются его коренными особенностями, вечно с ним связанными.

А вот совсем новые картины, рожденные словами «Слова»:

«Закачались ковыли
жалостливо по полю.
Убирают ковали
паковальни в подполье.
Не ковать им, ковалям,
ни мечей, ни копий.
Им по избам ковылять
с мелочной поковкой».

Через слова «ковать крамолу», обращенные автором «Слова о полку Игореве» к князьям, увиден быт труженников. Но этого мало. Соснора не ограничивается словами как материалом для своих поэтических построений. Он берет летописные образы, героев былин и литературных произведений (Бояна, Маринку, Аираксию, Потока, Ставра и пр.), додумывает их характеры, до-сказывает за них их жизнь, сочиняет за Бояна его стихи, создает для них новые жизненные ситуации, смелые биографические подробности. И сделано всё это богато и поэтически убедительно.

«Прелесть сосноровских «перефантазирования», — писал мне Н. Н. Асеев в другом письме (29 января 1962 г.), — именно в том, что он не повторяет подлинника, а — на влюбленности в подлинник — продолжает видеть воображением его запредельные картины».

Поощряя В. Соснору к поэтическому переосмыслению «Слова о полку Игореве», Н. Н. Асеев писал: «А это было бы здорово — хорошо, что современный молодой поэт продолжает великолепную живописность и силу старинного памятника» (там же).

Противопоставляя Русь В. А. Сосноры Руси А. К. Толстого, я не думаю, что Русь первого выйдет такой же успех, как Русь второго, и что у Сосноры найдутся такие же подражатели, как у А. К. Толстого. Русь А. К. Толстого могла перейти в оперу и в живопись. Она могла стать такой же популярной, как оперная ария. Стихи Сосноры не создадут нового стиля восприятия Киевской Руси. Они не создают новый стиль восприятия эпохи, а разрушают существующие стилизации. Поэтому-то они и не смогут сами иметь подражателей. Но стихи Сосноры всегда будут заражать читателей своим стремлением увидеть в Киевской Руси вечно человеческое, близкое и нам, историческую обыденность, сквозь которую прорастает вечно зеленое дерево поэзии.

Д. Лихачев